

Нужно подчеркнуть, что идеализация Анахарсиса Эфором и перенесение на его образ кинических идеалов — явления одного порядка. Разумеется, перенесение философских идеалов здесь выступает как процесс вторичный, зависящий от тех событий и явлений, которые происходили в цивилизованном эллинском мире и вызывали к жизни те или иные философские построения и умозрения. Здесь имеются в виду совершенно конкретные события, переживаемые Грецией в IV в. до н. э. Острый экономический и политический кризис вызвал к жизни проекты идеальных государств, возродились утопии и предания о Золотом веке в прошлом, широкое распространение получили романы-утопии, описывающие якобы существующие на краю Ойкумены страны с идеальным государственным устройством ⁴⁶.

Разуверившись в возможности осуществления своих идеалов, мыслители занялись этическим и моральным воспитанием своих сограждан, надеясь найти потом в них опору и, быть может, возможность нравственного оздоровления общества. Моральная проблема в IV в. выступила на первый план. Не случайно, например, что киники — типичные представители IV в. — больше всего разрабатывают именно этику, эклектически заимствуя от предшественников прочие составные части своей философии.

Этика их, следуя веянию века, безусловно, была целиком индивидуалистической. Тенденция евдемонизма господствовала над всей эпохой, и не случайно высшая цель жизни в философских системах IV в. выражалась отрицательными понятиями свободы от боли, от печали, от страданий и т. п. Киники не стояли в стороне от умственных движений своего времени. Им в большой степени принадлежит тот идеал простоты, естественности и ограничения потребностей, который они сделали основой нравственной проповеди и разработали не только теоретически, но и успешно проводили в жизнь, иногда даже доводя его до крайностей (Диоген). Киники искали спасения от разлагающего влияния цивилизации в возврате к изначальному, естественному и звали назад к природе, взяв при этом на вооружение мудрого Анахарсиса и противопоставив его испорченным эллинам как идеального представителя естественного состояния. Таким именно образом греческая традиция превратила Анахарсиса в идеального мудреца, достойного и равноправного собрата эллинских мыслителей.

Римская традиция очень мало затрагивала образ мудрого скифа. Цицерон в «Тускуланских беседах» цитирует письмо Анахарсиса к Ганнону и упоминает о самом мудреце, правда, в весьма поверхностной связи: «Или скиф Анахарсис мог считать деньги ни за что, а наши философы не могут сделать это?» (V, 32, 90). Скорее всего, это упоминание свидетельствует лишь об эрудиции автора Тускуланских бесед.

То же самое можно сказать и о сравнении, которое делает Корнелий Фронтон в письме к матери цезаря: «... Я сравниваю себя с Анахарсисом, конечно, не по мудрости, а по одинаковому варварскому происхождению. Он был скифом, из кочевых скифов, а я — либиец, из кочевых либийцев» ⁴⁷.

Вероятно, самой главной и основной чертой образа Анахарсиса, воспринятого из греческой традиции, стало то, что он, родом скиф и варвар, попал в число эллинских философов и достиг известности в Элладе. Об этом можно судить уже по двум приведенным выдержкам, но еще более ярко это проявилось у Флавия Вописка Сиракузского: «Разве Платона больше рекомендует то, что он был афинянином, чем то, что он был одарен высочайшей мудростью? Или разве стагирит Аристотель, элеец Зенон и скиф Анахарсис будут поставлены ниже него за то, что родились в очень маленьких деревеньках, тогда как всяческая философская доблесть превознесла их до небес?...» ⁴⁸.

То же самое подчеркивается и у христианских писателей. Татиан, призывая учиться у последователей варварского законодательства, подкрепляет этот призыв упоминанием об Анахарсисе ⁴⁹. Феодорит (Ог. V, 945), развивая то положение, что различие языков не вредит природе, так как и среди эллинов, и среди варваров можно видеть

⁴⁶ Подробнее см. об этом К у к л и н а, ук. соч., стр. 125 сл.

⁴⁷ Fronton., Ep. I.

⁴⁸ Vopiscus, Div. Aurelianus, 3.

⁴⁹ Tatianus, Ad Gr. XII.

и последователей добродетели, и рабов порока, подкрепляет это положение ссылкой на эллинов, которые в равной мере удивляются Анахарсису, родом скифу, а не афинянину или спартиату, преклоняются перед брахманами, родом индийцами, а не дорийцами, эллипами или понийцами, и хвалят египтян как мудрейших людей, потому что и у них перенимали много знаний.

Итак, ни римские, ни христианские писатели не прибавили ничего нового к образу Анахарсиса. Они вспоминают о нем лишь в том случае, когда им нужна параллель к какой-либо мысли или доказательство того или иного выдвинутого положения. Однако существуют достаточные основания утверждать, что образ идеализированного Эфром и киниками скифского мудреца не утратил своей популярности.

Трактовка образа Анахарсиса в античности позволяет выявить одну из основ идеализации северочерноморских варваров. Она связана с самим эллинским миром, с его философскими умозрениями и идеалами, вызванными к жизни, в конечном счете, теми конкретными экономическими и социально-политическими явлениями, которые там происходили.

И. В. Кукина

ANACHARSIS

by I. V. Kuklina

The author reviews the evidence in the ancient literary sources about the Scythian sage Anacharsis, who achieved wide fame in Greece. The earliest surviving mention of him is by Herodotus (IV 46, 76—77), but judging by the context of these passages we may suppose that the name of Anacharsis held a prominent place in still earlier tradition. For Herodotus he was a quite real historical person. The next mention comes from Ephorus, who connected Anacharsis with his own idealised conception of the nomadic Scythians, ascribed to him a number of inventions and included him among the Seven Sages. The principal role in transforming Anacharsis into the idealised figure of the sage was played by the Cynics. Analysis of the sayings attributed to him and the things said about him by several ancient authors confirms the hypothesis of R. Heinze (*«Anacharsis», Philologus* L, 1891, pp. 458 ff.) positing the existence of a lost Cynic work in which the chief character was this Scythian sage. The Roman and Christian traditions add nothing to the earlier portrayal of Anacharsis. The treatment of this figure in the ancient literary tradition helps to explain the idealisation of the barbarians of the North Black Sea coastal region. The reason for it is to be sought in the philosophical views and ideals of the Greek world itself, views and ideals which were shaped by the whole course of that world's economic, social and political evolution.

ЕЩЕ РАЗ О МОНЕТАХ-СТРЕЛКАХ

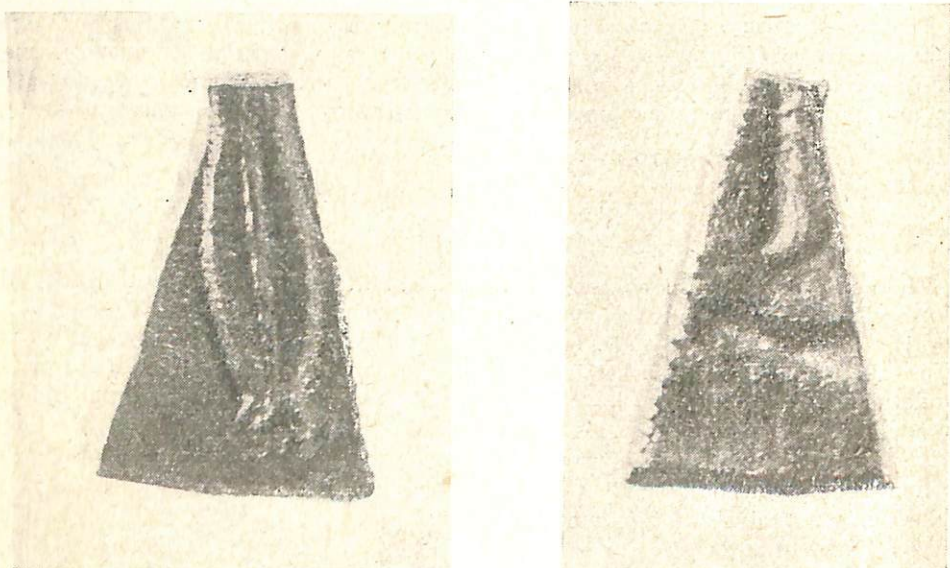
В статье «Легенда о скифском царе Арианте»¹ мы сообщали некоторые данные о весах монет из собрания Одесского музея. Не входя в подробности, отметим, что вес наибольшей из них — 8,02 г, вес остальных 64 — от 3,495 до 5,54 г; большинство весит 4,15—5,54 г. Средний вес — 4,5 г.

В один из последних раскопочных сезонов на Березани была найдена бронзовая гирька с рельефным изображением монеты-стрелки. Она хранится в Эрмитаже, инв. № Б-63-370. Вес гирьки 28,650 г (рис. 1а, б). Он далеко превосходит вес каждой из упомянутых выше стрелок. Это понятно: только вес монет, соответствующих по своим размерам изображению, мог бы отвечать весу самой стрелки-монеты. Вес гирьки целиком в 3 раза больше веса самой крупной монеты из взвешенных нами в Одессе и в

¹ Б. Н. Г раков, Сб. «Археология, история, этнография Средней Азии» (К 60-летию С. П. Толстова), М., 1968, стр. 101—115.

5,45 раза выше среднего веса. Очевидно, средний вес и есть обычный вес такой монетки. А. Н. Зограф приводит наибольший вес так называемого «дельфинчика» из Ольвии в 14,95 г (около половины веса гирьки Эрмитажа), средний вес дельфинчиков 2—2,5 г, т. е. приблизительный разрыв с весом стрелок $1/2^2$.

Наличие публикуемой гирьки указывает только на некоторую роль монет-стрелок в обращении в Ольвии этого первобытного денежного суррогата. К. С. Горбунова писала нам, что находки стрелок-монет в недавние годы и в Ольвии и на Березани (1966—1967 гг.) не превышали шести экземпляров в сезон. Это был один из видов мо-

а

б

Рис. 1. Бронзовая гирька с о. Березани: а) лицевая сторона; б) оборотная сторона

нет-стрел. Ходили там как монеты и любые типы бронзовых стрел. В. И. Лапин с полной уверенностью писал в своей книге о монетах-стрелках³ (гирька с изображением которых публикуется), что они делались на поселении о-ва Березани. Он даже объявил последнюю «монетным двором» Ольвии³. Мы заменяем этим проищеским выражением следующие слова: «Многочисленность этих монет (т. е. стрелок-монет.— Б. Г.) на Березани ... дает нам возможность поставить вопрос о принадлежности их к ольвийской монетной системе или, что не менее вероятно, Березани»⁴. Монеты-стрелки — это, думается, только один из эпизодов многосоставного ольвийского монетного обращения в эпоху греческой архаики и классики, т. е. с VI по IV вв. в Ольвии. Предоставим слово крупнейшему знатоку монетного дела и обращения в Ольвии А. Н. Зографу: «В Ольвии картина представляется значительно более сложной (чем в древней Италии.— Б. Г.). Есть ли основания признать и здесь такую же исконную роль меди?». Александр Николаевич не мог знать данных о деньгах-стрелках и гипотезы нашей и навязчивой гипотезы Лапина, уводящей эту роль меди в доисторическое время. Вернемся к своей статье в сборнике, посвященном 60-летию С. П. Толстова. К сожалению, в конце статьи, по неумению набрать греческий текст граффито из Ольвии, говорящее о роли медных наконечников стрел, по-

² А. Н. Зограф, *Античные монеты*, М.—Л., 1951; МИА, № 16, стр. 122.

³ В. В. Лапин, *Греческая колонизация Северного Причерноморья*, Киев, 1966. О монетах-стрелках здесь говорится многократно (см., например, стр. 143).

⁴ В. В. Лапин, *Экономическая характеристика Березанского поселения*, «Античный город», М., 1963, стр. 31—39 (по теме см. стр. 39).

зволим себе повторить этот текст, отсылая, однако, к рисунку в той же статье. Вот этот текст в нашей транскрипции и толковании:

(a) ὅς ἐστιν ἑλεῖβεν ἐνδεκ' ἄρδης καταβλῶμ
 πυγίετω (b) Ἡφαίστουδωρον (πυγίον).

О фривольном смысле этой надписи распространяться не приходится. Обо всем этом есть в нашей уже упомянутой статье.

Благодарим К. С. Горбунову за сообщение, фото и разрешение опубликовать эрмитажную гирьку.

Б. Н. Граков

ONCE MORE ON ARROW-COINS

by B. N. Grakov

The Author publishes a small bronze weight found in 1963 on the island of Berezan. On the weight is depicted on arrow-coin and the [Author gives observations on the circulation of this type of money.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ХЕРСОНЕССКОГО СОВЕТА (ἡ βουλῆ) В ПЕРВЫХ ВЕКАХ н. э.

Херсонесский совет (ἡ βουλῆ), его состав давно привлекали внимание исследователей. Еще В. В. Латышев в своем первом труде, посвященном государственному строю античного Херсонеса¹, значительное внимание уделил совету. Однако в итоге он вынужден был отметить, что «херсонесские надписи не представляют никаких дальнейших сведений о деятельности совета, его составе, способе выбора его членов...»². Позднее в связи с появлением новых надписей В. В. Латышев неоднократно уточнял и дополнял отдельные положения, выдвинутые в первом исследовании государственного строя Херсонеса, но к вопросу о херсонесском совете больше не возвращался.

Другие исследователи античного Херсонеса³ характеризовали совет, его функции и состав, опираясь на положения, выдвинутые в свое время В. В. Латышевым, и новых источников не привлекали. Только сравнительно недавно решить вопрос о составе херсонесского βουλῆ пытался Е. Г. Суворов, используя новый херсонесский декрет в честь гераклеота Папия⁴. Однако эта попытка, на наш взгляд, не совсем удачна⁵.

Таким образом, в настоящее время вопрос о составе херсонесского совета остается открытым. Между тем в нашем распоряжении имеются данные для того, чтобы попытаться определить состав херсонесского совета в первых веках н. э.

Согласно свидетельствам эпиграфических источников, в первых веках н. э. в составе херсонесского βουλῆ произошли изменения. В частности, на это указывает исчезновение в надписях этого времени упоминаний об айсиммитах, которые в Мегах и ее колониях исполняли обязанности, близкие функциям пританов в Афинах⁶,

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического, ЖМНП, 1884, июнь, стр. 35 сл.

² Там же, стр. 49.

³ Е. Н. М и н н с, Scythians and Greeks, Camb., 1913, стр. 540 сл.; Г. Д. Б е л о в, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 69; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры, т. I, М.—Л., 1955, стр. 82 сл.; А. И. Т ю м е н е в, В. В. Латышев и история Херсонеса, СА, XXVIII, 1958, стр. 24.

⁴ Е. Г. С у р о в, Новая херсонесская надпись, ВДИ, 1960, № 3, стр. 156 сл.; он же, Херсонес Таврический, Свердловск, 1961, стр. 55, 76.

⁵ Е. Г. Суворов полагает, что херсонесский совет в первых веках н. э. состоял из 23 человек, т. е. в него входили все те лица, которые в декретах упомянуты в числе σφρητισταί.

⁶ В. В. Л а т ы ш е в, Очерк греческих древностей, ч. I, СПб., 1897, стр. 69; М и н н с, ук. соч., стр. 540.